

Менделеевец

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

№ 17 (1900)

Среда

19 июня

1991 г.

Издается с 1929 г.

Цена 2 коп.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНСТИТУТА

Сегодня в стране в период, переходный к рыночной экономике, нарушены многие экономические структуры и связи. Практически все отрасли народного хозяйства испытывают большие трудности. Аналогично положение и в высшей школе. Так, нашему институту на 1991 год утвержден бюджет в размере 20 млн. рублей, что по сравнению с прошлым годом (14 млн. рублей) больше на 30%. Однако, если учесть, что стоимость ремонтных, коммунальных и прочих услуг, а также всего того, что мы приобретаем, возросла в 2-3 раза, наше финансовое положение резко ухудшилось.

Проблемы усугубляются также тем, что со II квартала Правительством введен режим чрезвычайного бюджета, при котором по многим статьям финансирование сокращено до 25%. Кроме того, институт получает кредиты каждый месяц, а не ежеквартально, как было раньше. Это делает невозможным какое-либо планирование финансов. Серьезные опасения вызывает, к примеру, предстоящая выплата 2-х месячных студенческих и аспирантских стипендий и отпускных преподавателям. Хотя, конечно, все возможные меры руководством института будут предприняты.

Имеет место мнение, что нашему институту следовало бы перейти из ранга союзного под крыло Российского Госкомитета по делам науки и высшей школы. Действительно, финансирование российских вузов более стабильное и по сравнению с прошлым годом оно возросло на 70%. Однако, если сравнить абсолютные цифры, то у российских вузов оно сегодня достигло 1500-1700 рублей на одного студента, а союзных — 2200-2500 рублей. Поэтому сегодня изменение статуса МХТИ экономически вряд ли целесообразно.

Известно, что в 1991 году возросли студенческие и аспирантские стипендии, а также зарплата большинства категорий сотрудников института. Если на новые студенческие и аспирантские стипендии, 30-процентное увеличение зарплат административно-управленческому и учебно-вспомогательному персоналу, новые ставки преподавателям институт получил целевое финансирование из госбюджета, то любое повышение зарплат сотрудникам НИИЧ, в том числе и компенсационные выплаты, проходят только из внутренних источников института. Из внутренних же источников предстоит оплачивать и новые командировочные расходы: 25 рублей в день в столицах республик и 20 руб-

лей в день во всех остальных городах.

В связи с новым порядком финансирования, а также изменением экономической ситуации в промышленности, при котором значительно уменьшилась спонсорская помощь институту со стороны промышленных предприятий, Президиум Совета трудового коллектива института принял решение о корректировке социальной программы института. Из нее на ближайшие 2-3 года исключены строительство «зимнего сада», профилактория в спортивном лагере, а также ряд других объектов. В то же время значительно увеличены дотации на студенческое питание. В этом году на это запланировано израсходовать 1 млн. рублей. Сумма большая, но это деньги непосредственно на социальную защиту студентов.

Трудность финансового положения заставляет институт перейти на режим строгой экономии, при котором каждая кафедра должна при планировании своих расходов исходить из реальных возможностей. Это касается каждого подразделения института. Недавно вышел приказ, регулирующий финансирование зарубежных командировок, в соответствии с которым из централизованного фонда будут оплачиваться поездки студентов, аспирантов,

специалистов, выезжающих на длительную научную работу (свыше 2 месяцев), членов официальных делегаций института. Хочу отметить, что поездки официальных делегаций практически всегда оплачиваются принимающей стороной. Все остальные поездки будут оплачиваться из средств факультетов, кафедр, сторонних организаций или по желанию командируемых из личных средств специалистов.

Большое значение имеет сегодня поиск новых путей финансирования. В конце 1990 года создана специальная группа спонсоров, в которую вошли: химкомбинат «Россия», НИИХиммаш, НИИУИФ, ПО «Стройстекло», ПО «Воскресенскцемент», концерн «Цемент», Гусевский хрустальный завод, ПО «Синтезспирт», Уфимский НПЗ, ПО «Новополюкнефтеоргсинтез», ПО «Пигмент», Ассоциация «Анилинпром», МНПО «НИОПИК», НИИГрафит, Ассоциация электродных заводов, ВПО «Монолит», комбинат «Десна», 3-д им. Петровского и другие.

В ректорате регулярно проходят встречи ответственных за каждого из спонсоров. Эта работа уже дала свои результаты: институт получил 150 тысяч рублей, до сентября мы ожидаем поступления еще 150 тысяч рублей.

Приносит свои плоды международная деятельность института. Ежегодно работают коммерческие курсы русского языка. Мы ожидаем прибыль от деятельности совместной советско-германской фирмы МСМ в размере более 1 млн. немецких марок, от совместного предприятия Довгейт по оборудованию общежития на ул. 1905 года в гостиницу и бюро сервиса — 500 тыс. долларов в год.

На заработанную валюту приобретено 10 компьютеров IBM (15 тыс. долларов) и 10 ЭВМ СМ-1841 — за 200 тыс. рублей спонсорских денег.

В последнее время при институте создан целый ряд малых предприятий: «Симбиоз», «Тор», «Крокус-2», «Совинтех», «Мост», «Эплен», «Елена», «ТЭКО», «Братина», «Симплекс», Институт «Экотехнология». Мы рассчитываем получать ежегодный доход от их существования в размере 200-300 тыс. рублей.

Финансовые проблемы основные в жизни института, и необходимо искать пути их решения. Это сегодня главное в работе ректората и должно стать заботой каждой кафедры института.

П. Д. САРКИСОВ,
ректор института.

НАШИ НА СИЦИЛИИ

Известно, что привлечение зарубежных специалистов для работы на совместных предприятиях, оснащенных западным оборудованием, но находящихся на территории СССР, связано с немалыми трудностями, прежде всего финансового плана. И поэтому, когда между менеджером итальянской фирмы «Машини» и сыном Ф. Оливьери и заведующим кафедрой основного органического и нефтехимического синтеза нашего института, проф. Швецом В. Ф. была заключена устная договоренность о проведении стажировки с оплатой проживания двух студентов этой кафедры в Италии для их последующей работы на советско-итальянском СП «Симомс» в г. Шебекино (Белгородская обл.), это представлялось оптимальным вариантом для всех заинтересованных сторон.

СП «Симомс», создаваемое в рамках крупного Шебекинского химзавода, готовится к началу производства нового вида моющего средства (которое в перспективе будет поставляться в Италию) по схеме, предложенной нашей кафедрой, оборудование же взялась поставлять итальянская сторона; все это, разумеется, требовало привлечения туда квалифицированного инженерно-технического персонала, к тому же, знакомого с особенностями поставляемой аппаратуры и имеющего представление о ведении производства «по-итальянски». Естественно, что взоры шебекинских химиков, с которыми у кафедры ОО и НХС давние деловые связи, вновь обратились к МХТИ.

Получив от Валерия Федоровича столь интересные предложения, мы, разумеется, ответили на них согласием, не очень, впрочем, веря в их реалистичность. Однако времена сейчас и впрямь меняются, да и дружеские связи нашего уважаемого зав. кафедрой с итальянскими партнерами сыграли

свою роль — так или иначе, а пройдя все необходимые формальности, заключив договора с СП «Симомс» и в двухмесячный срок изучив худо-бедно итальянский язык, мы 14 марта 1991 года ступили на залитый солнцем бетон миланского аэропорта «Мальпенса».

Надо отдать должное хозяевам — они были гостеприимны настолько, насколько мы только могли рассчитывать. А то, что на согласование нашей дальнейшей программы ушло добрых пять дней, пожалуй, было даже на руку нам — впервые попав в «мир иной», мы остро нуждались хотя бы в небольшом периоде адаптации, в течение которого мы, если и напоминали о нашей миссии, то скорее из приличия, чем от искреннего желания немедленно «засучить рукава». Жили мы в это время в небольшом живописном городе Варезе в 10 км от швейцарской границы. К счастью, в то же время там находились и наши «покровители» — проф. В. Ф. Швец и В. Г. Правдин — наш шебекинский «патрон». Это конечно, в известной степени, облегчало наше положение. Однако через три дня мы проводили их в Москву и отныне могли рассчитывать лишь на самих себя.

Тем временем хозяева старались разнообразить наш досуг. Мы имели несколько встреч с сыном Ф. Оливьери и, видимо, произвели на него благоприятное впечатление, причем, видит Бог, это чувство было взаимным. Во всяком случае, он и позже старался делать для нас со своей стороны все, что было в его силах, за что мы ему остаемся чрезвычайно признательны.

Итак, после великолепной автомобильной вылазки в Милан на один день и нескольких дней активного отдыха в Варезе,

когда нас уже начало беспокоить несколько затянувшееся (пусть даже вынужденное) безделье, в нашем гостиничном номере раздался долгожданный телефонный звонок. Моника, секретарша сына Оливьери, сообщила, что следующим утром нам предстоит отправиться на Сицилию для прохождения месячной стажировки на одном из заводов компании «ЭНИХЕМ».

Сицилия... Одно это слово подвигало нас на завораживающее: солнце, море, пальмы, мафия! Чего может хотеть человек, попавший в Италию на столь короткий срок и желающий за это время попытаться понять душу этой страны? Впервые, конечно, посетить Вечный Город или, на худой конец, футбольный матч. А уж потом — непременно забраться на Сицилию!

Итак, мы тепло попрощались с хозяйкой (отеля, подарив ей за оказанное гостеприимство «очень миленькую» (по ее словам) куколку в национальном стиле и отбыли в аэропорт «Липате» (второй и последний аэропорт в Милане), откуда самолетом авиакомпании совершили перелет через всю страну по маршруту Милан-Катания. За эти полтора часа нам была предоставлена великолепная возможность изучить Италию, пусть с девятикилометровой высоты, зато всю сразу. Прекрасно просматривался Север страны, ухоженный, чтобы не сказать — холмистый, долина реки По, легендарная Кремона, Флоренция, угрюмые хребты восточных Аппенин, живописная группа Липарских островов в Тирренском море с неизменными облачками над жерлами вулканов. И, наконец, под нами потянулись покрытые бесчисленными апельсиновыми плантациями, зеленые нагорья

Сицилии, а слева за исполненным облачным конусом возникла громада Этны. А через несколько минут мы приземлились в аэропорту Катании — второго (после Палермо) города Сицилии. Здесь нас встретил представитель завода «Ибла» и без лишних слов за час доставил по вполне добротной, но лишенной, разумеется, того шика, которым поражают автострады итальянского Севера, дороге на самый юг острова, в находящийся в 100 км от аэропорта город Рагузу, который и являлся местом нашей стажировки.

Завод «Ибла», являющийся, как уже отмечалось выше, одним из предприятий государственной нефтехимической компании «Энихем», сам по себе совершенно невелик и долю в обороте «Энихема» занимает весьма незначительную. Однако для нас он был интересен, главным образом, тем, что это — единственное предприятие во всем «Энихеме», которое занято выпуском моющих средств, а кроме того на нем размещена сравнительно новая (завод пущен 4 года назад) линия производства сульфокислоты, поставленная туда фирмой «Машини». Благодаря стараниям сына Оливьери перед отлетом на Сицилию нас снабдили порядочной долей информации об основных процессах и аппаратурном оформлении этой линии, все неплохо иллюстрировано, но в силу полного отсутствия цифровых данных это напоминало, скорее, рекламный проспект, чем серьезное пособие для инженера. Так что подробности все равно предстояло выяснять на месте. Впрочем, и без вникания в технологические тонкости посмотреть там было на что. И хотя заводской персонал то и дело сеговал на те или иные

недостатки, было в их жалобах что-то такое, что вызывало в нас внутреннюю усмешку: «Нам бы ваши заботы!» — настолько культура и организация производства там отличалась от того, что мы привыкли видеть на отечественных предприятиях.

Весь завод по сути дела размещен под одной крышей: линия производства серного ангидрида и алкилбензосульфокислот, жидких моющих средств и стиральных порошков, емкости с полуфабрикатами и склад готовой продукции, аналитическая лаборатория и «бытовки» персонала, которого, к слову сказать, никогда не бывает больше 30 человек за смену. Последнее объясняется не столько малыми размерами предприятия (в смысле производственной мощности оно не такое уж и маленькое, во всяком случае 14000 тонн одной лишь додецилбензосульфокислоты, производимой им в год, кое о чем говорят), сколько тотальной автоматизацией и компьютеризацией производства. Отдельно от основного производства расположен лишь административный корпус, столовая и хранилища сыпучих компонентов моющих средств. Однако грамотное, рациональное использование производственных площадей приводит к тому, что вместо неизбежной, казалось бы, тесноты, компактное расположение производства и складов оборачивается крупным преимуществом — здесь, поистине, все было «под рукой». Да и свободного места при этом хватало. И еще одно обстоятельство, которое мы не могли не отметить — даже вблизи самых «запашистых» по нашим понятиям производств дышалось почти также легко, как в чистом поле. А в траве у стен корпуса шастали ящерицы. Из чего мы заключаем, что с экологией тут все в

(Окончание на 2 стр.)

НАШИ НА СИЦИЛИИ

(Окончание. Начало на 1 стр.)

порядке. И в очередной раз мысленно вздохнули. Таковы были наши самые первые общие впечатления.

Однако технология технологичней, аппараты — аппаратами, а дело нам предстояло иметь главным образом с живыми людьми, и поэтому, особенно поначалу, налаживанию контактов с работниками фирмы уделялось особое внимание. Иначе рассчитывать на успех стажировки было затруднительно. Ведь отношение к нам, по крайней мере, со стороны сотрудников аналитической лаборатории, в которой мы начали свою работу было достаточно настороженным, да и хлопот мы им, по правде говоря, прибавили. И если с самого начала фактором «ломавшим барьеры» был их неподдельный интерес к нам, как к людям из России, то теплые отношения в дальнейшем период надо было строить уже лишь на личностных и деловых качествах, начисто абстрагируясь от собственной «экзотичности» в их глазах. В конце концов, можно ведь устать и от экзотики... Забегая наперед, стоит сказать, что все это нам, кажется, удалось.

Аналитическая лаборатория располагалась в просторном светлом помещении на втором этаже заводского корпуса. По списку в ней числилось работающих десять человек, включая заведующего — «капо» (единственного в лаборатории, кто имел университетское образование). Как и весь завод, работала она в три смены, так что в смену выходило всего по 3 человека, и нельзя сказать, чтобы они трудились не покладая рук. Отчасти это можно было объяснить тем, что завод, переживая трудности со сбытом товара, который работал далеко не в полную силу и тогда анализ было не так

много, как обычно. Но даже и в нормальном режиме работы ничего напоминающего «запарку» не наблюдалось. И в дальнейшем на других участках мы могли убедиться: «потогонная система» здесь не в почете. Вместо этого — четкий, размеренный, «без напряжения» ритм работы, оставляющий достаточно времени, чтобы без ущерба для производства выкурить сигарету или поболтать с товарищем.

Возвращаясь к лаборатории, следует отметить, что оборудована она была вполне на уровне. В частности из приборов заслуживают внимание автоматический блочный колориметр, используемый для определения фосфатов и силикатов в стиральном порошке, неплохой (хотя и не очень новый) газожидкостный хроматограф с интегратором и, наконец, компьютеризированный «жидкостник» «Хьюлетт-Паккард», который мог бы украсить собой любую серьезную научную лабораторию. Им, впрочем, пользовались крайне редко.

Помимо всего этого, лаборатория была попросту удобна: деминерализованная на ионно-обменных колоннах, вода текла прямо из крана, никто не утруждал себя поисками нужной посуды, никто не прятал друг от друга «дефицит», потому что все было на виду и под рукой.

Взвешивание образцов здесь также было крайне необременительным занятием благодаря нескольким электронным техническим весам на тензодатчиках с возможностью «обнуления» веса сосуда, если же их точность (0,01 г) оказывалась недостаточной, имелся аналитический весы с точностью до 0,00001 г. И все это, заметьте, на трех человек. Не удивительно, что несмотря на то, что список анализов сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, проводимых в лаборатории, был достаточно обширен,

они с успехом справлялись со своей работой. Кстати, методики проведения основных анализов мы без труда заполучили благодаря стоящему рядом, в коридоре, ксероксу. Специально к нему никто не приставлен, так что подходи и пользуйся... Удобно, что и говорить. Там же, в лаборатории, мы получили информацию о различных репертурах моющих средств как внутреннего потребления, так и идущих на экспорт, в т. ч. и в СССР (надеясь, что эта информация представляет определенный интерес для наших шебекинских «патронов»). Здесь вспоминается комический случай, когда нас попросили исправить ошибки в русском тексте на коробке, выпускаемой для СССР. Ошибка там оказалась, пожалуй, даже больше чем слов, узнав о чем итальянцы развесились не меньше нашего. Так что если вам попадется в руки коробка порошка «Колон», можете посмотреть, сделали ли они выводы из нашего маленького урока русского языка. Будучи прикреплёнными на первых порах к лаборатории, мы, разумеется, не ограничивали ею свои интересы. Вообще, если «под лежачий камень» вода здесь откровенно не текла, то стоило проявить интерес к какому-либо вопросу производства — и все охотно шли навстречу. Так мы получили много интересной информации, в частности, в свободное от анализов время детально ознакомились с работой линии получения додецилбензолсульфокислоты и ее главного аппарата — многотрубного пленочного реактора. И позже, стажировавшись на других участках, мы проявляли ту долю здоровой любознательности, которая позволила нам не становясь назойливыми, достаточно исчерпывающе изучить процесс приготовления жидких моющих средств, а затем и стиральных порошков.

Продолжительность рабочего дня на заводе составляла привычные 8 часов при 5-ти дневной рабочей неделе и 3-х смен-

ном режиме работы. Впрочем, для операторов продолжительность смены варьировалась от 6 до 10-ти часов, но при той же 40-часовой рабочей неделе. Для нас же был предусмотрен несколько облегченный вариант — к 8.30 нас привозили из отеля на завод, обратно же увозили в 16.30. Перерыв на обед, как и у большинства рабочих с 12.30 до 13.30. Естественно, мы заинтересовались также каков здесь отпуск. Оказалось, сравнительно небольшой — всего 20 дней. Впрочем, не спешите жалеть несчастных итальянцев: как выяснилось, у них достаточно времени для отдыха и помимо отпуска. Это мы испытали на собственном опыте — 4 дня отдыха на Пасху и сверх того — суточная забастовка, которые здесь, к слову, совсем не редкость. И в такие дни проблема свободного времяпрепровождения вставала довольно остро. Дело в том, никакой «культурной программы» фирма для нас не предусматривала, так что за пределами завода мы были целиком предоставлены самим себе. Вообще-то, такая свобода пришлась нам по вкусу, но воспользоваться ею в условиях отсутствия личного транспорта оказалось весьма затруднительно. Надо сказать, что Рагуза — город хоть и живописный, но с «тяжелым» рельефом и, вообще мало приспособлен для пешего прогулка. Что касается городского коммунального транспорта, то автобусов там мало, и стоят они относительно недешево. (Впрочем, это почти ничего не волнует — практически у всех имеются свои машины). Так что не удивительно, что после первого знакомства с городом мы выглядели не очень свежими. Выезд же на Средиземное море на «частнике» влетел нам в ощутимую «копеечку», после чего мы пришли к единодушному выводу, что без хороших друзей с машиной нам придется туго. К счастью, такие друзья у нас появились и то, что мы побывали, помимо Рагузы в Кьяромонте, Витто-

рини и Сиракузах целиком их заслуга. Все они — и Массимо, и Джанни, и все остальные — очень хорошие люди, но это — уже отдельная история.

Не забывали нас и в Москве. Так, В. Ф. Швеиц дважды звонил нам прямо в гостиничный номер, такое вот маленькое чудо по нашим советским меркам. Интересовался, как мы там. Мы же были склонны волноваться за судьбу оставшихся в родном Отечестве средства массовой информации в СССР уделяли событиям в СССР большое внимание и мы знали, что в Союзе продолжает твориться что-то неладное и, мягко говоря, неспокоейно. В то время как здесь, в Италии, мы откровенно отхлывали душой, хоть ненадолго вырвавшись из этой атмосферы всеобщего дефицита и остервенения. А все страхи на счет пресловутой сицилийской мафии оказались напрасными. Такая, безусловно, существует, но лишь в больших городах типа Палермо или Катании, откуда время от времени поступают сообщения об арестах мафиози и т. п. вещах. Но и те грабежами на улицах не занимаются — ни их масштаб. Так что по вечерам можете гулять смело — никто вас не тронет. В Рагузе-то по крайней мере — точно. Программа нашей практики завершилась 15 апреля, тепло попрощавшись с руководством и персоналом завода мы отбыли в Катанию, откуда вылетели в Милан. А на следующий день, пожав руку синьору Франко Оливьери — в Москву. Однако есть все основания предполагать, что наши контакты будут продолжаться. И хочется верить, что 15-ти копеечная монетка, брошенная в воду Средиземного моря, когда-нибудь возвратит нас под голубое небо Италии. Ведь впереди еще много интересной работы.

Л. МАЧУЛИН,
А. ЦИВИНСКИЙ.

Май 1991 г.

Ференц Лист — первый венгерский композитор, в память которого в 1936 году была отчеканена серебряная монета номиналом в два пенга. А в 1961 году, когда отмечалось 150-летие со дня его рождения, были выпущены монеты в 25 и 50 форинтов из серебра и в 50, 100 и 500 форинтов из золота.

Весьма примечательны почтовые марки Венгрии, посвященные Листу. Первая из них появилась в обращении в 1932 году в серии «Знаменитые люди страны». Помимо Листа, венгры впервые на марках увидели портреты государственных деятелей Л. Кошута, И. Сечени, Ф. Деака, И. Тиса, писателей И. Мадача и Я. Араня, ученых Л. Этвеша и Ф. Болыя, художника М. Мункачи.

Жизнь Ференца Листа и удивительна, и необычна. Он начал концерттировать в девятилетнем возрасте, а в 14 написал оперу. Бетховен, присутствовавший на одном из выступлений Листа, дал ему тему для импровизации. Мальчик блестяще справился с заданием, а Бетховен на глазах многочисленной публики, обнял и расцеловал юного пианиста. Творческая деятельность Листа продолжалась свыше 60 лет, в течение которых им было создано около 700 музыкальных произведений. Он прославился своими концертами, выступая во многих странах Европы. Трижды Лист приезжал в Россию, исполняя свои произведения, а также музыку русских композиторов Михаила Глинки, Александра Алябьева, Антона Рубинштейна, Модеста Мусоргского и других. Почтовая марка ГДР, на которой воспроизведен портрет Листа работы французского художника А. Шеффера, напоминает о том времени, когда молодой композитор жил во Франции и Германии. Последний прижизненный портрет Листа был выполнен в 1886 году его другом,

венгерским художником Михаилом Мункачи. Портрет репродуцирован на венгерской почтовой миниатюре, поступившей в обращение в 1967 году.

Две марки Венгрии и почтовый блок Польши, выпущенные в 1956 году, посвящены творческому содружеству Ференца Листа с Фридрихом Шопеном. Многие в жизни связывало Ф. Листа с французским композитором Гектором Берлиозом, о чем напоминает почтовая марка ГДР, выпущенная в 1961 году к 150-летию со дня рождения Листа. Эту дату отметили также на марках в Венгрии, Советском Союзе и Австрии.

ПЕТР I И ЛИСТ

Долгое время мне не удавалось выяснить, кто является автором двух разных портретов Петра I, воспроизведенных на почтовых марках 1913 г. Помог мне Юрий Климов, который до выхода в свет своего каталога-справочника «Искусство на почтовых марках», объяснил, что на почтовой миниатюре номиналом в 4 копейки воспроизведен фрагмент работы Готфрида Кнеллера, выполненный в 1698 г., когда 26-летний Петр находился в гостях у английского короля Вильгельма III. Художник (учившийся у Рембрандта, сумел передать не только физический облик царя, но и присущие ему черты характера, мужество и энергию. Портрет этот находится в Лондоне. На 2-й марке номиналом в 1 копейку — портрет 45-летнего императора работы художника Карла Моора. Написан портрет в 1717 г., хранится ныне в королевском музее в Гааге.

Увлекшись успехом и мой поиски других почтовых документов: я приобрел марку благотворительного выпуска «В

пользу сирот воинов действующей армии», на которой изображен памятник Петру I. Выразительная фигура «Медного всадника» стала одним из символов города на Неве. Марка поступила в обращение в декабре 1904 г. во время русско-японской войны. И, наконец, еще одна удача: я приобрел четыре марки Полтавской земской почты, выпущенных в 1909 г. к 200-летию Полтавской битвы. Эта серия — первая в отечественной филателии отметившая столь важное событие в истории нашей страны. Все остальные почтовые марки, отразившие время Петра I,

поступили в обращение в советское время и приобрести их не представляется особой трудностью. Очень часто на них изображается памятник Петру I. Его можно увидеть на почтовых эмиссиях 1948, 1953, 1957 и 1974 гг., на художественных маркированных конвертах, которых, по моим подсчетам, было выпущено около 20. На других почтовых документах имеются сюжеты, связанные с основанием Петербурга (Петропавловская крепость, Летний дворец, Кунсткамера, Монетный двор), а также фонтаны Петропавловки, Дом-музей Петра I в Вологде, домик Петра I и его кабинет в Коломенском, памятники императору, установленные в Архангельске, Полтаве, Воронеже, Туле, Петрозаводске, Липецке, Переславле-Залеском.

С именем Петра I связано создание регулярной армии и военно-морского флота, разработка планов боевых действий и непосредственное участие в сражениях. Полководческий дар Петра I проявился в сражении у деревни

Лесная 28 сентября 1708 года, когда был разбит шведский корпус Левенгаупта. Впоследствии здесь установили памятник «Русским богатырям», который изображен на односторонней почтовой маркированной карточке. А следующей была блистательная победа под Полтавой 27 июня 1709 г. над армией не знавшего поражений короля Карла XII. «Дедушкой русского флота» считается «Ботик», на котором в 1687 г. 15-летний Петр совершил свое первое плавание в водах Измайловского пруда. «Ботик» Петра I можно увидеть на одной из марок серии «История отечественного флота». На борту «Ботика» находятся: Петр, генерал-адмирал Ф. Апраксин, князь А. Меншиков, вице-адмиралы П. Сиверс, П. Гордон, Н. Сенявин, Т. Сандерс. Памятник Петру I в Воронеже напоминает о том, что в 1696 г. был спущен на воду реки Воронеж корабль «Крепость» (этому событию посвящен конверт, выпущенный городским обществом коллекционеров). На воронежской верфи строились суда, принимавшие участие в осаде турецкой крепости Азов. Благодаря флоту, Азов был блокирован с моря и его гарнизону пришлось капитулировать.

Под руководством и при участии Петра I были построены многие корабли русского военно-морского флота. Один из них получил название «Лесное» (он изображен на марке Мадагаскара), другой — «Полтава» — первый линейный корабль на Балтийском море. Более мощным был «Ингерманланд», имевший на борту 64 пушки (корабли изображены на марках 1971 г.). В июле 1714 г. Балтийский флот нанес поражение шведской эскадре в сражении у мыса Гаугут. «Гаугутская баталия» и победа у острова Гренгам способствовали окончанию Северной войны и под-

писанию Ништадского мира.

Как известно, памятник «Тысячелетие России» в Новгороде включает 129 фигур, среди них Петр I и его сподвижники Я. Долгорукий, Б. Шереметев, М. Голицын, Б. Миних. Памятник не раз воспроизводился на маркированных почтовых конвертах.

Среди сподвижников Петра I был молдавский господарь и ученый просветитель Дмитрий Кантемир, перешедший на сторону России после того как Молдавия была захвачена турками. Первая марка с портретом Кантемира была выпущена в Румынии в 1946 г. 300-летие со дня рождения Кантемира было отмечено на марках СССР и Румынии.

Петру I принадлежит заслуга в организации экспедиций, чтобы установить соединения ли Азия с Америкой, а также изучить неисследованные области Сибири и Дальнего Востока. По его заданию была снаряжена Камчатская экспедиция во главе с В. Берингом (ему посвящены марки Дании, марки и конверты СССР). Мореплавателю нанес на карту Камчатку, восточное побережье Чукотки, прошел через пролив, названный Беринговым. Произошло это после смерти Петра I. В 30-х годах XVIII века исследованиями занимались С. Малыгин, Д. Овцын, Челюскин, Ф. Минин, Х. Лаптев, В. Прончищев, А. Чириков, Д. Лаптев. 250-летие Великой Северной экспедиции было отмечено изданием восьми маркированных конвертов. Большой интерес представляют монеты времени Петра I, но это уже тема связанная с нумизматикой.

Л. П. КАРЛОВ.

Главный редактор —
Е. В. ЮРЛОВ.
Выпускающий редактор —
Дмитрий ПОСПЕЛОВ.